

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 595-601, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th - Early 20th Centuries

Valery V. Tsys

Nizhnevartovsk State University, Russian Federation

3b, Mira Street, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, 628616

Dr. (History), Professor

E-mail: tsysv@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the issue of barter trade in the North Western Siberia by the local peoples who used different fishing and hunting products such as fish and animal fur by way of cash equivalent up to the end of 19th century. Particularly, squirrel fur was a most popular hunting product used as money equivalent in trade in the 19th century.

The author notes that due to the spread of the Russian population and development of railways in the second half of the 19th century the situation gradually changed. As a result, by the beginning of the 20th century natural barter was completely replaced by monetized trade with the use of bills and coins. The article describes a system of notes used by the local indigenous population to record the sums of money in trade, such as solar signs (hundreds), squares (tens), x-shaped crosses (units), vertical lines (hundredth parts of the main value).

The article also indicates that during the Civil War and the transition to the NEP (New Economic Policy) an abrupt rise in prices for fishing products occurred, with the following revival of barter, when squirrel fur and fish regained their roles as cost units and universal money equivalents.

Keywords: money circulation, exchange, peltry, trade, fishing and hunting.

Введение

Изучение немонетного денежного обращения и меновой торговли в период активного проникновения капитализма, дает возможность выяснить специфику эволюции денежно-финансовых отношений при переходе от традиционного к индустриальному обществу, позволяет оценивать функции денег в экономике и влияние денежного обращения на развитие хозяйственных связей, глубже понимать социально-экономические и политические процессы, происходившие на периферии страны в доиндустриальную эпоху.

Материалы и методы

Исследование предполагает вовлечение максимально полного круга источников, прежде всего свидетельств современников (путешественников, политических ссыльных, государственных служащих), а также архивных материалов, сведений, извлеченных из местной периодики, статистических и экономических обзоров, что позволяет выявить особенности использования в качестве денежных эквивалентов различных объектов традиционных промыслов, их соотношение между собой и изменение стоимости в условиях перехода от традиционного общества к индустриальному.

Методологически автор опирается на модернизационный подход, позволяющий проследить процесс общественно-политической и экономической трансформации, активно разворачивавшейся с конца XIX в. на территории региона, генерирование новых социально-экономических отношений.

Достижение цели исследования обусловили необходимость использования как общенаучных, так и традиционных для любого исторического исследования методов. Применение синхронно-исторического метода позволило проанализировать особенности функционирования меновой торговли на Севере Западной Сибири в сравнении с аналогичными явлениями, наблюдавшимися в других регионах Сибири. Применялся метод конкретно-исторического анализа, предполагающий изучение этапов становления и развития торговых отношений в исследуемом регионе в соответствии с основными вехами развития истории общества в целом.

Обсуждение

Немонетное денежное обращение на территории азиатской части России с момента становления научного сибиреведения привлекало внимание преимущественно этнографов, статистиков, краеведов [см., напр.: 1, 2, 3, 4, 5].

Отдельные аспекты истории меновой торговли в урало-сибирском регионе в целом, преимущественно в дорусский период, раскрыты В.М. Косаревым [6]. Им сделано вполне справедливое наблюдение, что «критерии меновой стоимости во многом зависели от характера хозяйственной деятельности торгующих сторон» [6, с. 65]. Автором также приведена классификация форм организации обменных отношений сибирских народов: «немой торг», «военизированный обмен», «гостевой обмен».

Важное значение для понимания особенностей немонетного денежного обращения в Зауралье имеет работа Н.Л. Конькова [7], который указал на долгое сосуществование в крае натурального обмена с привнесенной русскими серебряной и медной монетой.

Тем не менее, до настоящего времени сколько-нибудь цельной характеристики использования немонетного обращения коренными народами Севера Западной Сибири в период активного проникновения капиталистических отношений, разрушавших натуральную замкнутость местной экономики, не сделано.

Результаты

У народов Севера Западной Сибири в дорусский период и после присоединения к России торговля имела большое значение. Однако она носила почти исключительно меновой характер. Единицами обмена служили у Березовских остяков рабы, панцири, лошади, у сургутских – скот, материи. О торговле подобного рода свидетельствуют находки изделий из серебра и бронзы на территории края из Ирана, Золотой Орды, Византии. Главным мериллом ценности являлась пушнина, о чем упоминается уже в «Повести временных лет»: «...и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они взамен дают меха» [8, с. 245-246].

Хотя Западная Сибирь входила в XIII–XV вв. в состав Золотой Орды, монеты этого государства здесь встречаются в ограниченном количестве. Пушшиной в основном собирали ханы ясак с местного населения. Сибирские татары в ходе торговли с Китаем, Бухарой, Волжской Болгарией, Казанским ханством выменивали на меха различные ремесленные изделия (шелк, фарфоровая посуда, украшения, оружие и др.).

После присоединения Сибири к России ситуация первоначально мало изменилась. Например, в документах упоминается, что самоеды приезжали к остякам в Казымскую и Обдорскую волость по зимнему пути и покупали сухую рыбу и рыбий жир, а также живых оленей, а взамен давали пушнину. Березовские и сургутские остяки меняли у русских на собольи и лисьи меха топоры, котлы, платье [9, с. 10].

Постепенно, хотя пока еще в небольшом объеме в обращение стали проникать монеты. Так, за собаку в 1639 г. сургутский остяк взял льняную рубашку и еще 6 денег [9, с. 18]. Остяки занимали деньги у русских для хлебных покупок.

Тем не менее, во многих районах Сибири, включая Тобольский север, вплоть до начала XX в. торговля велась с использованием различных денежных эквивалентов. О ее характере свидетельствовал П.М. Головачев: «В отдаленных, отрезанных от мира северных и северо-восточных местностях торговля сохранила свой первоначальный меновой характер. Остяки, самоеды, северные якуты, тунгусы, чукчи и др. северные инородцы отдают свою пушнину и др. товары не за деньги, а за нужные в их обиходе товары» [10, с. 117].

Аналогичные данные, относящиеся к началу 1880-х гг., приводятся политическим ссыльным С.П. Швецовым: «Торг [сургутян с коренными жителями – В.Ц.] ведется всегда при помощи непосредственного обмена товара на товар, помимо какого-либо участия денег, которых у инородцев почти никогда и не бывает. Приобретенный таким образом товар от инородцев перепродается тобольским купцам частью на деньги, частью же в обмен на различные товары...» [11, с. 71].

В Сургутском уезде основной денежной единицей долгое время оставалась белка. В третьей четверти XIX в. аршин холста оценивался в 1 белку, аршин люстрина¹ – 4 белки, железный топор – 8–

¹ Люстрин – тонкая шерстяная или полушерстяная ткань, путем специальной обработки приобретающая блестящую, глянцевиую поверхность.

10 белок, нож в 2 белки, хлопчатобумажный платок – от 3 до 6 белок, халат – от 60 до 100 белок, папуша¹ табаку – 1 белку [12, с. ССXLV].

О торговле на пушнину по р. Югану упоминает Сургутский уездный исправник Г.А. Пирожников: «5 пудов ржаной муки – 1 соболь, 1 пуд муки – 8 белок» [13, с. 107].

В Березове и Обдорске, в частности, на Обдорской ярмарке расчеты производились в шкурках песцов (продавались без лап и хвоста), а «разменной монетой» служили песцовые лапки. Соотношения между ними, скорее всего, не были постоянными. Так, в конце 1860-х гг. при цене целого песца 2,5 руб. ассигнациями песцовая лапка шла за 10 коп. ассигнациями (1 : 25). На ярмарке 1865 г. 28 тыс. лапок было продано за 840 руб., т. е. 3 коп. за лапку в то время как шкурка песца реализовывалась в среднем по 1,55 руб. (1 : 52) [подсчитано по: 14, с. 23].

Меха служили мерой стоимости других товаров, реализовывавшихся на ярмарке. За одного белого песца в Обдорске давали 15–20 печеных хлебов, или четверть тонкого сукна, или 3,5 сажений холста, или 10 сажений мережи [12, с. ССXLV].

Меновая торговля открывала широкие возможности для эксплуатации коренного населения. В воспоминаниях польской ссыльной Е. Фелинской, относящихся к 1839 г. указывается:

«Остяки, не знающие денежного курса, меняют вещь на вещь, и эти вещи имеют цену, назначенную им произвольно самими же купцами. Например, пуд муки имеет цену шкурки одного белого песца. Пуд муки стоит в Тобольске самое большое 50 копеек ассигнациями, в отдельные годы значительно дешевле, ибо часом цена снижается до половины той, что названа выше; доставка из Тобольска до Березова стоит не дороже 15 копеек с пуда... В то же время за шкурку песца не далее как в Березове перекупщики берут с оптовых купцов 3 рубля ассигнациями, затем эти шкуры переправляют на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарку... Предметы, которые остякам требуются от русских, это мука, топоры, свечи, табак, бусы, медные бляшки, бубны, а также ситцы и сукно ярких расцветок. С этими товарами не чувствуют угрызений совести, грабя бедного остяка или самоеда» [15, с. 28]. О таком же соотношении основных предметов вывоза и ввоза на Тобольский север (1 шкурка песца = 1 пуду муки) полвека спустя сообщал политический ссыльный В.В. Бартнев [16, с. 206].

Помимо пушнины на Тобольском севере использовалась для расчета рыба ценных пород определенного размера, в частности муксун. Как правило, полноценный экземпляр должен был быть длиной не менее 9 вершков (40,5 см.) от глаза до основания хвостового плавника. Рыба меньшего размера считалось уже «недомуксуном» и относилась к муксуну как 2 к 1 или 4 к 1.

О преобладании меновой торговли упоминал также краевед, общественный деятель Н.А. Абрамов: «Остяки окольных мест и самоеды съезжаются в город [Березов] и привозят соболей, лисиц, белку, горностаю, песцов и прочих зверей... Иностранец, пришедши к своему приятелю (так они называют тамошних купцов и торговцев, с которыми ведут торговлю и «одалжаются»), вытаскивает из-под одежды звериные шкуры и, если сойдется в цене, отдает рухлядь и взамен получает хлеб, табак и другие нужные товары... Ценность денег остякам и самоедам мало известна. Общим мериллом для денег остается доселе у остяков белка и рыба муксун, а у самоедов белый песец» [17, с. 418].

Широко употреблялись для обмена алкогольные напитки – спирт, водка: «Приходят в какой-либо дом два – три иностранца, – писал в конце 1870-х гг. земский заседатель Кондинского участка Березовского округа А.В. Титов, – молча подают хозяину шкуру песца; хозяин, повесивши шкуру на вешалку к другим, подает бутылку с вином, гости, распивши вино, подают снова песца, и снова неистощимая бутылка полна – и до тех пор, пока не истощатся карманы потребителей...» [18, с. 104].

Об использовании в Обдорске в качестве средства обмена печеного хлеба упоминает С.В. Бартнев [16, с. 131].

Так, на Камчатке, в северо-восточной Сибири единицей измерения стоимости служила шкурка красной лисицы. В первой четверти XIX в. было установлено ее официальное соотношение к другим шкуркам пушных зверей: 1 красная лисица = 3 куницам = 4 песцам. 3 красных лисицы = 1 рысь, 1 черно-бурая лисица = 20 красным. В Туруханском крае 1 волк был равен 1,5 лисицам, 7 оленьим шкурам, 70 белкам, 175 заячьим шкурам [7, с. 65]. Существовали и соотношения между мехами и наиболее популярными товарами из металла: 1 медный чайник = 1 красной лисице, 1 пуд медных котлов = 20 красным лисицам, 1 пуд железных котлов = 10 красным лисицам [19, с. 394].

В торговле с Китаем и Центральной Азией «при разменах у китайцев, бухарцев и на Камчатке в качестве счетной монеты тюнь² китайки... и лисица красная». В Сибири выплата жалованья чиновникам меховым товаром строго возбранялась, чтобы те не выдавали хороший мех за плохой при его оценке [5, с. 235].

В степной зоне Сибири для торговли использовали скот – лошадей, овец, коз. На севере Якутии – кость мамонта, табак. В Забайкалье – брусок чаю весом до 3 фунтов (1,2 кг.).

Кроме сферы торговли денежные знаки широко применялись в качестве пожертвований различным божествам и духам обско-угорского пантеона. До сих пор у мест поклонения находят в немалом количестве монеты XVII–XIX вв.

¹ Папуша – связка сухих листьев.

² От китайского слова «тюнь» - тюк, связка простой, тюневой китайки - сорта гладкой хлопчатобумажной ткани, первоначально привозившейся из Китая.

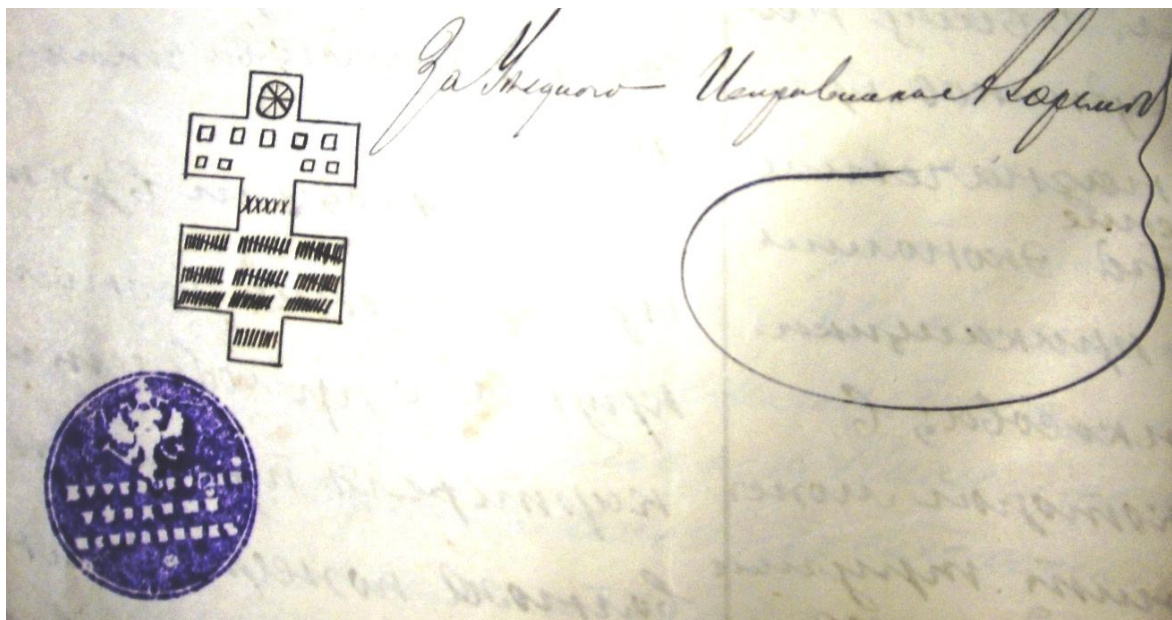
Однако с середины XIX века общероссийские денежные знаки начинают постепенно вытеснять традиционные, чему способствовали постоянно увеличивающееся присутствие русскоязычного населения в крае, расширение масштабов торговли, распространение аренды рыболовных угодий и прав на поселение и ведение промысла. В изменении демографической и социально-экономической ситуации на территории Севера Западной Сибири огромную роль сыграло развитие пароходного сообщения, связавшего край с югом Сибири, в первую очередь с Томском и Тобольском.

На рубеже XIX–XX вв. в Сургутском уезде белка по-прежнему применялась при расчетах с коренными жителями наряду с монетами и банкнотами. Их курсовые соотношения менялись в зависимости от размеров добычи пушного зверя. «В Ваховском крае единицей ценности служит белка, хотя в то же время существуют в обращении и денежные знаки. Курс на белку постоянно колеблется. За последние годы цена ей была 10–12 коп. за штуку», но было время (в 1902 г.), что цены повышались до 20 копеек [20, с. 48].

На Обдорской ярмарке в конце XIX в. ненцы предпочитали уже отдавать пушнину за наличные, а не за товар или в кредит [20, с. 202]. Как отмечал известный исследователь Тобольского севера А.А. Дунин-Горкавич, «Иностранцы в настоящее время [в начале XX в. – В.Ц.] почти не меняют белку на товар. Они сначала продают белку, а затем покупают необходимый им товар» [20, Приложения, с. 51]. Аналогичные явления наблюдаются как на Тобольском севере, так и в большинстве районов Сибири в целом.

Использование денег не только для ярмарочной торговли, но и для кредитования, выплаты налогов требовало их подсчета. Каким образом почти поголовно неграмотные ханты и манси справлялись с этой непростой задачей? Об этом сохранилось следующее свидетельство: «В платежных книжках количество полученных денег и шкур обозначается особыми штемпельными знаками, понятными иностранцам. Так, крест в круге означает 100 шкур, крест без круга – 10 шкур, прямая вертикальная линия – 1 шкуру... Для обозначения рублей употребляются те же знаки, что и для шкур, а для копеек – кресты и линии меньшей величины» [20, Приложения, с. 58].

Подобные обозначения были не единственными, о чем свидетельствует находка, сделанная в Государственном архиве Ханты-Мансийского округа – Югры (см.: *Рис. 1*) [21]. В нижней части платежного документа, заверенного подписью и печатью Березовского уездного исправника, нанесен контуром шестиконечный крест, внутри которого помещены знаки, фиксирующие взимание определенной денежной суммы. Сотня обозначена солярным знаком («крест в круге»), десятки – квадратом, единицы х-образным крестом, величины кратные основной – вертикальными линиями. Соответственно, внутри шестиконечного креста записана сумма равная 195 рублям 99 копейкам.

Рис. 1. Штемпельные знаки для иностранцев

Таким образом, на протяжении многих столетий в Сибири преобладала меновая торговля, а в качестве денежных эквивалентов использовались товары, которые в наибольшей степени обладали признаками денег. Приход русских не только не изменил эту систему, но скорее способствовал ее окончательному оформлению. Вместе с тем распространяется в основном среди пришлого населения и русская денежная система. С развитием хозяйственных связей, транспорта, вовлечения края в капиталистические отношения все большую роль играют в обращении металлические деньги и банкноты, заменяющие пушнину и др. товары в сфере обмена.

К началу революции банкноты и монеты прочно вошли в обиход местного населения. События 1917–1920 гг. внесли изменения не столько в характер торговых операций, сколько в виды используемых денежных знаков: наряду с «николаевками» и «керенками» в широкое употребление вошли «сибирские» деньги, а с января 1920 г. последние вытесняются совзнаками образца 1918 и 1919 гг.

Однако население, в том числе и вполне лояльное советской власти, продолжало хранить припрятанные в «кубышках», а также вероятно и использовать для расчетов, как казалось, более надежные купюры, выпущенные при Николае II и Временном правительстве.

Значительно выросли цены на белку, продажа которой являлась важнейшим источником доходов для коренного населения. Если в довоенный период, как уже отмечалось, стоимость шкурки колебалась от 20 до 40–42 копеек, то в 1918 г. во время традиционной декабрьской ярмарки, проходившей в Ларьяке, белка продавалась по 2,6 руб. за штуку [22]. В Юганской волости Сургутского уезда в 1918 г. средняя цена на белку составляла 1,5 руб. за штуку [23, л. 38]. Закупленная пушнина была в дальнейшем реализована в Шанхае (400 тыс. шкурок белки по цене от 56 до 70 американских центов за штуку, что составило в среднем по 3,25 руб. по тогдашнему курсу) и на аукционе в Нью-Йорке [24].

Хотя с началом Первой мировой войны в России был введен сухой закон, на курсировавших по Оби и Иртышу пароходах в 1915 г. можно было полулегально приобрести алкогольные напитки по цене до 10 руб. за бутылку [25, с. 400]. Летом 1919 г. в Кушевате Березовского уезда полбутылки спирта продавалось уже за 100 руб.

Несмотря на инфляцию, бумажные денежные знаки по-прежнему широко использовались населением для торговых операций и накопления. Повсеместно применялась также и кредитная система, когда мука и др. товары первой необходимости отдавались рыбакам и охотникам по определенной фиксированной цене, взамен же они должны были поставить опять же по фиксированной цене эквивалентное количество промысловой продукции.

Переход к нэпу сопровождался дальнейшим ростом цен, превратившимся в гиперинфляцию, что привело к восстановлению натурального обмена, в котором роль всеобщего эквивалента вновь стали играть пушнина и рыба.

В 1922 г. с одной стороны возник «денежный кризис», когда нечем стало выплачивать заработную плату служащим, нести ряд социальных расходов. С другой стороны стоимость денег начала стремительно падать. Сфера денежного обращения за пределами административных центров сокращается.

Единый сельскохозяйственный налог измерялся в золотых рублях, но собирался с местного населения не денежными знаками, а продукцией традиционных промыслов, единицами измерения которых служили белка, мерная нельма (для «белой» рыбы), мороженая щука (для «черной» рыбы). Так, шкура лося приравнивалась к 6–10 белкам, выдры – 10–20 белкам, соболя – 40–60 белкам; 1 пуд окуня – 20 фунтам мороженой щуки, 1 пуд язя – 1 пуду 10 фунтам мороженой щуки и т. д. [26, л. 75] Тем не менее, подобное явление осознавалось как временное, вызванное чрезвычайными обстоятельствами. «В целях укрепления советского рубля» в октябре 1923 г. Сургутский уездный исполком постановил налагать штраф в 300 руб. или привлекать к принудительным работам на срок до 3 месяцев тех, кто отказывается использовать в торговых сделках советские деньги [27, л. 12].

Несмотря на этот грозный приказ, сфера использования денежных знаков оставалась узкой. Как отмечал председатель Александровского райисполкома В.С. Неустроев «у населения дензнаки появляются в очень и очень малых размерах», при этом потратить деньги было затруднительно, т. к. хозяйственные организации по-прежнему «торгуют на белку» [27, л. 17-17об].

В середине 1920-х гг. возобновляется работа Ларьякской и др. ярмарок. С этого момента можно говорить о восстановлении денежного обращения на территории Севера Западной Сибири в объемах и формах, сопоставимых с предреволюционными. Тем не менее, в докладе на заседании президиума Тобольского окружного исполкома, состоявшемся 26 апреля 1926 г., отмечалось, что «денежное обращение на Севере внедряется чрезвычайно медленно... туземное население считает пушнину валютой, пренебрегая деньгами. Впрочем, по сравнению с [19]23 г. наблюдается определенный сдвиг в пользу денежного обращения» [28, л. 46].

Заключение

Таким образом, в течение первой четверти XX в. денежное обращение на территории Севера Западной Сибири претерпевало те же трансформации, которые происходили во всей стране, что говорит о сложившихся устойчивых экономических связях региона с другими регионами Сибири, преодолении натуральной замкнутости. Однако темпы этих изменений были замедленными. Особенности хозяйственного уклада региона предопределяли рецидивы явлений, связанных с системой меновой торговли.

Примечания:

1. Аргентов А. Путевые заметки миссионера А. Аргентова о Приполярной местности // Записки Сибирского отделения ИРГО. 1857. Кн. IV. С. 1-59.
2. Иохельсон В.И. По рекам Ясашной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письма // Известия ИРГО. 1898. Т. 34. Вып. III. С. 255-290.

3. Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // Записки Императорской Академии Наук. 1877. Т. 30. Прил. 2. 187 с.
4. Воронов А.Г. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губ. // Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. 18. Сборник народных юридических обычаев. Спб., 1900. 429 с.
5. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
6. Косарев М.Ф. О меновой торговле в древних и традиционных обществах (по урало-сибирским археолого-этнографическим материалам) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 60-65.
7. Коньков Н.Л. «Имеет хождение в Сибири»: Из истории нумизматики и денежного обращения в Сибири. Б.м.: Возрождение Тобольска, 2001. 131 с.
8. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
9. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. 86 с.
10. Головачев П.М. Экономическая география Сибири: Репр. воспр. изд. Екатеринбург: Баско, 2008. 192 с.
11. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский север глазами политических ссыльных. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. С. 34-111.
12. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. СПб.: ЦСК МВД, 1871. ССLXXII, 196 с.
13. «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»: Историко-краеведческий сборник / сост. Л.В. Цареградская. Сургут: Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 2002. 256 с.
14. П-ровский Н. Из Березова // Подорожник: Краеведческий альманах/ Ред.-сост. В.К. Белобородов. Вып. 8. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 22-47.
15. Фелинская Э. Отрывки из дневника // Подорожник: Краеведческий альманах/ Ред.-сост. В.К. Белобородов. Вып. 6. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 7-131.
16. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский север глазами политических ссыльных. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1998. С. 112-217.
17. Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Известия Императорского Российского географического общества. 1857. Кн. XII. С. 329-448.
18. Титов А. Обдорская ярмарка. По рассказам очевидцев и деятелей // Подорожник: Краеведческий альманах / Ред.-сост. В.К. Белобородов. Вып. 1. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 87-98.
19. Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. Т. 3: Л-Н. 804 с.
20. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. Т. 2. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.
21. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 429. Оп. 1. Д. 100.
22. Тобольское народное слово. 1919. 12 марта (28 февр.).
23. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-421. Оп. 2. Д. 18.
24. Сибирский листок. 1919. 4 февр. (22 янв.).
25. Сибирский листок: 1912–1919 / сост. В.К. Белобородов. Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 592 с.
26. Государственный архив Томской области. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 3.
27. Государственный архив Томской области. Ф. Р-811. Оп. 1. Д. 9.
28. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 51.

References:

1. Argentov A. Itineraries of the missionary A. Argentov on Circumpolar Area// Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. 1857. Book IV. P. 1-59 (In Russian).
2. Yokhelson V.I. Along the Yasashnaya and Korkodon rivers. Ancient and modern Yukaghir life and writings// Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. 1898, Vol. 34, is. III. P. 255-290. (In Russian).
3. Polyakov I.S. Letters and reports about the journey to the valley of the Ob River// Notes of the Imperial Academy of Sciences. 1877. Vol. 30. App. 2. 187 p. (In Russian).
4. Voronov A.G. Legal customs of Ostyaks in Western Siberia and Samoeds of Tomsk province// Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society for the Dept. of Ethnography. T. 18. Collection of folk legal customs. Saint Petersburg, 1900. 429 p. (In Russian)
5. Slotvsov P.A. History of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow: Veche, 2006. 512 p. (In Russian)
6. Kosarev M.F. On the barter in ancient and traditional communities (based on the Ural-Siberian archaeological and ethnographic materials)// Uralsky istorichesky vestnik. 2009. № 2 (23). P. 60-65. (In Russian)
7. Konkov N.L. "Is walking in Siberia": From the history of numismatics and monetary circulation in Siberia. B. M.: the Revival of Tobolsk. 2001. 131 p. (In Russian)

8. The Tale of Bygone Years/ Prepared, translated and commented by D.S. Likhachev; edited by V.P. Adrianova-Peretz. 2nd ed., Rev. and add. Saint Petersburg: Nauka, 1996. 668 p. (In Russian)
9. Bakhrushin S.V. Ostyak and Vogul principality in 16th-17th centuries. Leningrad: Publishing House of the Institute of the North Ethnicities of the USSR Central Executive Committee named after P.G. Smidovich, 1935. 86 p. (In Russian)
10. Golovachyov P.M. Economic Geography of Siberia. Yekaterinburg: Basco, 2008. 192 p. (In Russian)
11. Shvetsov S.P. Essays on Surgut area// Tobolsk North as viewed upon by political exiles. Yekaterinburg: Sredne-Uralskoye Publishing House, 1998, P. 34-111. (In Russian)
12. Tobolsk Province. The list of inhabited localities according to the materials of 1868-1869. Saint Petersburg: CSK MVD, 1871. CCLXXII, 196 p. (In Russian)
13. This far and close Ob-Irtysh North: Local History Collection/ Compiled by L.V. Tsaregradskaya. Surgut: Severo-Sibirskoye Regional Publishing House, 2002. 256 p. (In Russian)
14. Provsy N. From Berezov// Podorpnik: National History Almanac / Edited by V.K. Beloborodov. Issue 8. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2007, P. 22-47. (In Russian)
15. Felinskaya E. Fragments from the diary// Podorpnik: National History Almanac / Edited by V.K. Beloborodov. Issue 6. Tyumen: Mandr i Ka, 2005, P. 7-131. (In Russian)
16. Bartenev V.V. In the extreme north-west Siberia. Essays on Obdor area// Tobolsk North as viewed upon by political exiles. Yekaterinburg: Sredne-Uralskoye Publishing House. 1998, P. 112-217. (In Russian)
17. Abramov N.A. Description of Berezov area// Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. 1857. Book XII. P. 329-448. (In Russian)
18. Titov A. Obdor fair. According to eyewitnesses and activists// Podorpnik: National History Almanac / Edited by V.K. Beloborodov. Issue 1. Tyumen: Mandr i Ka, 2005, P. 87-98. (In Russian)
19. Siberian Soviet Encyclopedia. Moscow: West Siberian department Association of State book and magazine publishers, 1932. Vol. 3: L-N. 804. (In Russian)
20. Dunin-Gorkavich A.A. Tobolsk North. In 3 volumes. Vol. 2. Geographic and statistical-economic description of certain regions. Moscow: Libereya, 1996. 432 p. (In Russian)
21. State Archives of the Khanty-Mansiysk Autonomous District - Yugra. F. 429. Reg. 1. D. 100. (In Russian)
22. Tobolskoye narodnoye slovo. 1919. March 12 (February 28). (In Russian)
23. State Archives in Tobolsk, State Institution of Tyumen region. F. I-421. Reg. 2. D. 18. (In Russian)
24. Sibirsky listok. 1919. February 4 (January 22).
25. Sibirsky listok: 1912-1919 / Compiled by V.K. Beloborodov. Tyumen: Mandr i Ka, 2003. 592 p. (In Russian)
26. State Archives of Tomsk region. F. R-811. Reg. 1. D. 3. (In Russian)
27. State Archives of Tomsk region. F. R-811. Reg. 1. D. 9. (In Russian)
28. State Archives of Sverdlovsk region. F. R-88. Reg. 5. D. 51. (In Russian)

УДК 93/94

Меновая торговля на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв.

Валерий Валентинович Цысь

Нижевартовский государственный университет, Российская Федерация
ул. Мира, 3б, г. Нижневартовск,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 628616
доктор исторических наук, профессор
E-mail: tsysv@rambler.ru

Аннотация. В статье показано, что у народов Севера Западной Сибири вплоть до конца XIX века в качестве денежных эквивалентов широко использовались различные группы товаров, преимущественно промысловая продукция – пушнина и рыба. В XIX веке особое значение имела белка – наиболее распространенный объект охотничьего промысла.

Отмечается, что благодаря проникновению русского населения, развитию путей сообщения во второй половине XIX в. ситуация постепенно меняется. В результате к началу XX в. происходит полное вытеснение натурального обмена денежным обращением с использованием металлических денежных знаков и банкнот. Описывается система обозначений, применяемая коренным населением для записи денежных сумм: солярные знаки (сотни), квадраты (десятки), х-образные кресты (единицы), вертикальные линии (сотые части основной величины).

Указывается, что в период Гражданской войны и при переходе к нэпу происходит сначала резкий рост цен на промысловую продукцию, а впоследствии и восстановление натурального обмена, когда роль единиц измерения стоимости и всеобщего эквивалента вновь стали играть белка и рыба.

Ключевые слова: денежное обращение, обмен, пушнина, торговля, промыслы.